

Два откормленных бульдога с купированными хвостами заклёбывались слюной в злобном лае, извивались на поводках, готовые сорваться по приказу хозяев и разорвать добычу на куски. А меж ними, поскуливая, тьякала шавка с перебинтованной мордой, в адмиральской шапочке. Колчак. Бульдоги в генеральских фуражках и аксельбантах соответственно изображали Деникина и Юденича. Одного науськивал американский президент Вильсон, а другого – британский премьер Ллойд-Джордж. Помятого Колчака доверили поддержать французскому первому министру Клемансо.

Таит Антанта мысли злые,
Мечтая злобно по часам
Отдать Советскую Россию
На растерзанье хищным псам.

В угоду разжиревшей клике,
Свободы растоптавшей флаг,
Рычат Юденич и Деникин,
Рычит голодный пёс Колчак.

На псов надежды очень мало,
Победы путь не так уж прост.
Колчак расшибся близ Урала,
Бедняге отдавили хвост.

Подшибли глаз, помяли лапы.
Скулит облезлый пёс Колчак:
Глядят союзные сатрапы
На красный заповедный флаг.

И с грудой рент и облигаций,
Решая все дела втроём,
Сидит уныло «Лига наций»
В собачьем обществе своём.

Петухово взяли на рассвете. В сентябре на Тоболе ночи уже холодные. А днём солнышко ещё припекает. По утрам туманы бывают такие, что на пару шагов ничего не видать. В густой молочной пелене штурмовики, как

привидения, бесшумно выплыли из леса. Тихо сняли часовых на околице и короткими перебежками от избы к избе быстро продвинулись к центру села. Стрельба началась только у штаба. Но длилась недолго. Взрыв гранаты, и вновь – тишина.

Окровавленные тела в исподнем солдаты в лёгких английских шинелях ставили на телеги. В плен никого не брали. Всё равно к красным вернуться.

Кумачовую растяжку «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» колчаковцы порвали на портянки. А плакат под названием «Антанта» начштаба Сибирской штурмовой бригады капитан Усов аккуратно отцепил со стены и направился к штабной тачанке.

– Вот, командир, полюбуйся на творчество красного агитпропа. Ничего не напоминает? – хитро прищурившись, передал он находку комбригу, такому же молодому – слегка за двадцать – подполковнику в чёрных погонах.

– Плагиаторы чёртовы! Тема – старая, герои – новые. Ты про мой день рождения не забыл? Вечером после штаба в походной обстановке, так сказать...

– Эй, братцы, осторожно! – окрикнул комбриг ординарцев, выгружавших штабной инвентарь. – Там в ящике – французский коньяк. Презент от союзников. Каждая бутылка на вес золота. Не побейте!

Митя Усов и Петя Орлов дружили с малолетства. Их отцы преподавали в Томской гимназии. Усов-старший – словесность, а Петин папа – математику. Жили по соседству на Спасской улице, через два дома. Только Митя рос в дружной семье с сестрой и младшим братом, а Петя у родителей был один. Когда супруги Орловы ссорились, мать уезжала в Петербург. Вначале возила к бабушке внука, а потом стала ездить одна. Отец пристрастился к спиртному. Плохо выглаженная гимназическая форма и еда из трактира отроку с лихвой компенсировались предоставленной свободой. На Басандайском острове друзья соорудили хижину, и Петя, как Гекльберри Финн, прожил в ней целое лето, питаясь выловленной рыбой и тем, что принесёт верный Том Сойер от семейного стола Усовых. Митина мама Мария Сергеевна жалела Петю, называла «бедный мальчик», но своему сыну ночевать на реке разрешала в исключительных случаях. Продукты и книги – пожалуйста, но сам – чтобы засветло был дома. Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер... У Мити дома была отличная библиотека.

В начале «юности мятежной» Пётр под страшным секретом доверился другу, что влюблён, и попросил Усова написать его даме сердца стихи, естественно – от Петиного имени. Митя, конечно же, согласился. Ему любое сочинительство – в радость. Литература, история, иностранные языки – его конёк. А Петька наоборот мыслил прикладным образом. Спец по точным наукам. И спортсмен. В силе, ловкости и быстроте в гимназии Орлову равных не было. Но когда стихотворец узнал имя возлюбленной товарища, то наотрез отказался. Применение физической силы плохо подействовало на упрямец. Да и Петя не сильно усердствовал. Так, поставил один фонарь под глаз другу детства. Больше от обиды, чем со злости. На другой день, подумавши, они помирились и договорились, что каждый будет добиваться благосклонности «Дульсинеи»

своим путём, посмотрят, что победит – сила или изящные искусства. Однако девица приняла ухаживания купеческого сына. Неумного и несильного, зато с большим наследством.

Гимназию они закончили в 1914 году. Но вместо Технологического института и университета оказались в Иркутской школе прапорщиков. Так Пётр решил, а Митя – как нитка за иголкой. Выпускники школы произведены в прапорщики и откомандированы в один пехотный полк, воевавший с германцами в Польше. В Люблянском сражении отличились оба. Орлов – в штыковой атаке, а Усов – в разведке. Получили звание «подпоручика».

Дальше их пути разошлись. Пётр был ранен. В госпитале его наградили Георгиевским оружием, а затем отправили в школу авиации. Он стал военным лётчиком. Его боевые заслуги союзники отметили французским Военным крестом. После большевистского переворота штабс-капитан Пётр Орлов вышел в отставку и вернулся в Томск.

Дмитрий Усов при Керенском был произведён в поручики. До последнего оставался на фронте, но после Брест-Литовского мира боевые действия полностью прекратились, он распустил свой взвод разведчиков и тоже отправился домой.

В конце марта, когда огромные сосульки свесились с крыш, а скопившиеся за послереволюционную зиму сугробы на улицах начали таять, в квартиру Усовых тихо постучались.

– Ты кого-то ждёшь? – испуганно спросила хозяйка у растерявшегося мужа и, всплеснув руками, присела на стул. – Неужто за Митей пришли?

Аресты офицеров в Томске стали обыденными. Большевики освободили из тюрьмы пленных венгров, а камеры заполняли вернувшимися с фронта сибиряками. В родном городе томских офицеров брали под стражу вчерашние враги на передовой, перешедшие под знамя мирового пролетариата.

– Мария Сергеевна, Аркадий Васильевич... – прошептали за дверью. – Не бойтесь. Это – я. Орлов Петя.

Гость принёс бутылку самогона. Митина мама быстро накрыла стол. К ужину была сварена картошка. Солёная капуста, тонко нарезанные ломтики сала и хлеба. Мария Сергеевна остановилась в проходе, залюбовавшись сыном и его другом, ставшими настоящими мужчинами. Аркадий Васильевич сел у окна, чтобы не светить на улице молодёжь.

– Что дальше думаешь, разведка? – спросил авиатор у друга.

Митя пожал плечами:

– Думай – не думай, мозги можно сломать. От меня ж ничего не зависит. Мир рухнул. Никто не знает, что будет завтра. И настанет ли оно вообще?

– Фу, какой пессимизм! – протянул штабс-капитан. – Да ты – пораженец, брат!

И, разливая как хозяин по рюмкам самогон, добавил:

– А по мне, всё просто. Мою страну захватили враги. Я – русский офицер и должен Родину освободить!

Учитель словесности робко возразил бывшему ученику:

– Я понимаю ваш молодой максимализм, Пётр Николаевич. Но ситуация

гораздо сложнее. Россия расплачивается за прежние грехи: крепостное право, колонии, черносотенные погромы...

Контуженный авиатор уже занёс крепко сжатый кулак, чтобы ударить по столу, но вовремя остановился. Вскочил на ноги, извинился и спешно стал собираться.

– Вы – такой же наивный либерал, как и мой отец, Аркадий Васильевич. Начитались Достоевского и думаете, что будет, как по книжкам! Не будет. От большевиков сантиментов не дождётесь. Скоро и в Томске начнутся массовые расстрелы. О Красном терроре не слышали? Враг задумал истребить лучших граждан России. Вы, между прочим, тоже в их числе.

Вместе с рукавицей из кармана полушубка выпал смятый бумажный листок. Орлов поднял бумажку, расправил и злорадно рассмеялся.

– А это – тебе, поручик. В качестве наглядной агитации. Чтоб мозги прояснить.

Хлопнула дверь, прогнав в комнаты морозную дымку. А Дмитрий Усов всё разглядывал Украину, Белоруссию и Прибалтику в зубах у Ленина, принёсшего их к ногам германского кайзера.

В конце мая бывшие офицеры подняли в Томске восстание. Чекистский продотряд перестреляли в женском монастыре, остальные большевики спешно погрузились на два парохода и уплыли на север.

Через день на Ново-Соборной площади состоялся митинг. Подполковник Пепеляев, герой-фронтовик, руководивший в городе белым подпольем, с балкона второго этажа дома купца Гадалова призвал, кому не безразлична судьба Отечества, вступать в Сибирскую армию для борьбы с врагами православия и русского народа, большевиками – наймитами германцев и австро-венгров.

Среди первых добровольцев были Пётр Орлов и Дмитрий Усов. В офицерских мундирах, с солдатскими винтовками, как рядовые, за короткое сибирское лето добровольцы дошли до Байкала, обогнули его и встретились с казаками атамана Семёнова за Верхнеудинском. Транссиб стал свободен.

Конечно, помогли чехи. Солдаты и офицеры сформированного ещё при Керенском 50-тысячного чехословацкого армейского корпуса после выхода Советской России из «империалистической» войны не перестали рваться на фронт для борьбы за свободу своей родины от империи Габсбургов. Немцы, конечно, не пропустили корпус через пол-Европы, чтобы потом сражаться с ним на Западном фронте. Членам Реввоенсовета не хотелось ссориться с Антантой по пустякам, потому решили эвакуировать чехов и словаков во Францию вокруг земного шара: через Транссиб, Тихий океан, США и Атлантику.

Воинские эшелоны растянулись по всей магистрали: от Самары до Владивостока, когда Троцкий спохватился:

– А чехов-то разоружили?

В ответ – молчание.

– Разоружить немедленно! – взорвался председатель Реввоенсовета.

На станции полетели телеграммы. Но «братушки» сами разоружили крас-

ноармейцев. Правда, далеко от железной дороги европейцы предпочитали не отходить. Тайга и дикие русские.

Радола Гайда – исключение. Бывший фармацевт, дезертировавший из Австро-Венгерской армии, в Сибири примкнул к местному добровольческому движению и вскоре стал одним из его лидеров вместе с Анатолием Пепеляевым.

В конце сентября 1918-го командир Сибирского корпуса, уже генерал, Пепеляев приказал сформировать штурмовой батальон из в боях проверенных офицеров и добровольцев. Одну роту набрали в Томске, вторую – в Новониколаевске, а третью – в Ачинске. Томская штурмовая рота создавалась на основе гусарского эскадрона штабс-капитана Плотникова. Авиатор и разведчик записались в неё в первой десятке.

«Я, штабс-капитан Орлов Пётр Николаевич... Я, поручик Усов Дмитрий Аркадьевич, торжественно обещаю: соблюдать военные законы, поддерживать авторитет начальников, не состоять в политических партиях, в боевых действиях не щадить жизни и, если надо, принести её в жертву за Россию». 29 сентября 1918 года. Подпись.

Нытва – в переводе с языка коми «зелёная вода». Небольшая речка под Пермью, приток Камы. В декабре её лёд был алым от крови с чёрными торосами – вмёрзшими в реку матросскими бушлатами. Нытвенский завод оборонял целый полк – Первый морской кронштадтский. Но комбат капитан Урбанковский, невзирая на численное превосходство противника, повёл штурмовиков в штыковую. Выиграло матросское самолюбие: «Супротив Балтфлота! Не попрёшь!». Немало штурмовиков полегло на нытвенском льду, но балтийцев больше. Два оставшихся батальона сдались.

– Не надо, братцы! Не губите! В Германии – тожешь революция. Немецкие рабочие свергли кайзера. Войне – хана...

Седой мичман не домолил о пощаде, штык комбата вошёл под лопатку.

За взятие Перми генерал Пепеляев лично вручил каждому выжившему штурмовику Георгиевский крест. Всего – 100. Остальной тысяче достались кресты деревянные, на могилах.

Приказом по армии в феврале 1919-го штурмовой батальон был развёрнут в бригаду до трёх тысяч штыков. С тремя штурмовыми батальонами и тремя дивизионами: артиллерийским, инженерным и кавалерийским. Комендантская рота и собственный лазарет – в придачу. В марте погиб Урбанковский, и новый командиром в бригаду Пепеляев назначил капитана Орлова, присвоив ему звание подполковника.

– Жалко, что авиационного полка нет, – сожалел новоиспечённый комбриг. – Я бы полетал.

Неприятности начались в начале лета. Западная армия не смогла прорвать оборону красных на Южном Урале, а корпус генерала Пепеляева взял Глазов и продолжал развивать наступление на Вятку на соединение с войсками генерала Миллера из Архангельска. Для выравнивания линии фронта Колчак приказал командарму Гайде прекратить наступление, но своенравный чех послушал-

ся приказа Верховного Правителя. Гайда был смещён с поста командующего Сибирской армией, подал в отставку и уехал во Владивосток.

Штурмовики вначале брали Глазов, потом прикрывали отход корпуса Пепеляева из города. Целую неделю вели арьергардные бои за Пермь. Только убитыми потеряли более 600 человек. Но страшно было другое. Подразделения Сибирской армии в массовом порядке стали переходить на сторону красных. Сдавались целыми полками. Многие дезертировали и разбегались по домам. В июле и августе 1919 года некогда победоносная Сибирская армия по сути была рассеяна. К сентябрьскому контрнаступлению на Тоболе боеспособность ещё сохраняли штурмовая бригада, казачий корпус да три дивизии, верные Пепеляеву. Все – изрядно поредевшие.

– Подарок от генерала Жанена, командующего Союзными войсками. За доблесть и храбрость! – выбрасывая опустевшую бутылку, сквозь зубы процедил изрядно опьяневший именинник. – Пожадничал мсье. Каких-то двадцать бутылок. А сколько людей мы потеряли в наступлении?

– По бригаде только – больше двух сотен убитых, ещё столько же ранено, – тихо ответил начштаба.

Произведя нехитрый расчёт, подполковник Орлов схватился за голову:

– Общие потери по армии можно смело умножить на сто. Получается – двадцать тысяч! По тысяче православных и магометанских душ за сраную бутылку коньяка?!

– О красных ещё не забудь. Тоже – русские люди. Их мы не меньше наколошматили.

– Зато иностранные наблюдатели констатировали, что «войска дрались блестяще», – процитировал записку к французскому подарку комбриг. – Белые дяди в пробковых шлемах рукоплещут туземцам, истребляющим друг дружку.

Он достал из ящика ещё бутылку и штыком скovyрнул закрутку. На свой 22-й день рождения Пётр Орлов позвал только гимназического товарища.

– Ошибся я, Митя, насчёт Ленина, – разливая коньяк по стаканам, признался именинник. – Шахматист всех переиграл. Это ж надо такую изящную комбинацию проверить! Взять у немцев деньги на развал нашего тыла, затеять смуту, свергнуть правительство, потом рассчитаться с заказчиком честь по чести, отдав ему пол-России. И когда казалось, что всё – партия проиграна, закинуть уже торжествующим германцам революционную обратку. Будь моя воля, я бы Розу Люксембург и Карла Либкнехта наградил орденами Святого Георгия.

– Посмертно. Повесили же их.

– Говорят, большевики называют их именами улицы. Это я одобряю.

Дмитрий Усов давно уже ждал подобного разговора, тщательно к нему готовился, обдумывал каждую фразу. И, кажется, удобный момент настал.

– А как ты относишься к Колчаку? – набравшись смелости, спросил он комбрига.

Орлов напрягся на пару-тройку секунд и на удивление трезвым голосом ответил:

– Несчастный человек, оказавшийся в трудное время не на своём месте. А ты как думаешь?

По спине капитана пробежал холодок. С предателями штурмовики не церемонились. Штык – в сердце, и дело с концом. Особенно – комбриг. Про его жестокость ходили легенды по обеим сторонам фронта. Но ведь это Петька, его старый друг. Он не посмеет. И Дмитрий решился.

– Простое сопоставление фактов, – как бы заранее оправдываясь, приступил к изложению своей версии капитан Усов. – 10 ноября 1918 года немцы заключают с союзниками перемирие в Компьенском лесу под Парижем, а 18 ноября в Омске казаки свергают Директорию и приводят к власти адмирала. В немецких городах разгорается революция. Германия в ноябре, как и Россия в марте, просто выходит из войны. Немецкие полки походным маршем из оккупированных русских губерний возвращаются домой. Генерал Жанен и английский полковник Нокс, этот «серый кардинал» при адмирале, были прекрасно осведомлены о ситуации на Западном фронте. Но чтобы сибиряки не взбрыкнули, бывшие союзники и поставили нам своего протеже.

– Не знаю, как ты, Митя, но я эсеров, особенно – навозных, из Директории, никогда не уважал. Поэтому приход к власти Колчака встретил, как благо для России, – перебил комбриг, извинился и попросил друга продолжить.

Усов силился восстановить ход своих умозаключений и снова начал с даты: – 28 июня уже этого года. В Версале подписан мирный договор. Германия капитулировала. Австро-Венгерская и Османская империи вообще исчезли с мировой карты.

– Российская империя – тоже! – выкрикнул Орлов.

– Кайзера отдали под суд. Немцев обложили репарациями. Мировая война закончена. За что и, главное, против кого воевать?

– Странно слышать такой вопрос от русского офицера. Ты кому присягал? России? Так за неё и дерись!

Усов растерялся, а потом, собравшись с духом, выпалил:

– Я России не изменяю! Но для меня Родина – это вера, люди, земля, язык, традиции. Ни к чему из этого англичане и французы отношения не имеют. Если Ленин был немецким шпионом, то Колчак – шпион английский!

– Смелое утверждение. Поясни.

– Перед наступлением я был в Омске, ты меня сам командировал за оружием и патронами. Там встретился с Виктором Колосовым. Долговязый такой, на год раньше нас гимназию закончил. Он теперь – личный секретарь у премьера Вологодского. Колосов пригласил меня к себе домой на ужин. И за рюмкой водки рассказал: никто из областников уже не сомневается, что ещё до своего приезда в Сибирь Колчак поступил на службу к королю Георгу. Даже получил назначение на Месопотамский фронт. А тут мы со своей Сибирской республикой вылезли. И в Сингапуре английское командование приказало ему вернуться во Владивосток.

Подполковник присвистнул.

– Только Ленин после поражения Германии с иноземного поводка сорвался. А этого Антанта ещё крепко держит, пусть даже побитого.

– Зато Деникина с Юденичем смотри как откормила. Аж лоснятся от жира!

– комбриг поставил пустой стакан на плакат с названием «Антанта», служивший скатёркой на праздничном столе. – Своим наступлением, дружище, мы заставили красных перебросить свои части от столиц на наш фронт. В ноябре Деникин непременно возьмёт Москву, а Юденич – Петроград. А тогда и поговорим с «сердечными союзниками» о границах, немецких репарациях и прочих приятных вещах.

Начштаба печально улыбнулся:

– Нет, не возьмут. Русские офицеры не позволят. Это 5-я армия Тухачевского возьмёт Омск, когда просёлочные дороги подмёрзнут, а снега ещё не навалит. За нами правды больше нет. Настоящие патриоты России – теперь на стороне красных.

Хозяйка принесла большую закопчённую сковороду с жареными грибами и картошкой.

К еде офицеры не притронулись. Подполковник задумался, а капитан продолжил:

– И «Сердечное согласие» – *Entente cordiale*, как первоначально называлась Антанта, теперь между другими странами. Англией, Францией и Североамериканскими Штатами. А нам на пиру победителей отведена вместе с Германией незавидная участь еды.

Пётр молчал. Дмитрий разлил по стаканам коньяк.

– Ты пойми, Петя, что Версаль всё перевернул с ног на голову. Пока Европа воевала меж собой, мы были патриотами и спасителями Отечества. А после германской капитуляции большевики стали собирателями русских земель. А мы – если смотреть правде в глаза – теперь отщепенцы и прислужники интервентов, цепные псы на привязи у Антанты.

Офицеры молча выпили.

– Против нас – уже не немцы с австрийцами, а русский народ. Красные командиры учились вместе с нами в одних прапорщицких школах, в одних военных училищах. Командарм Тухачевский – наш с тобой ровесник. Под его началом уже половина офицеров из Сибирской армии. Колчак достал в Сибири всех! Енисейская губерния – настоящая партизанская республика, воюет с карателями Розанова. Омск – пародия на столицу. В стотысячный город набилось миллион никчёмных людей, которые ничего толком делать не умеют. Министры, генералы, адъютанты, кокотки... Плодят указы-приказы и пересылают их из одной избы в другую. На фронт из штабных тыловиков никто не хочет. Кто побогаче, живут в вагонах на станции, чтобы в случае чего быстренько дать дёру. Боевые командиры только выжидают момента арестовать горе-правителя и выдать его большевикам. Пепеляев грезит о Земском Соборе. Зиневич открыто заявляет о войне, Гражданской войне, даже Гайда поднял во Владивостоке восстание. Мужики устали. Согласны на любую твёрдую власть. Даже – большевиков.

– А классовая борьба, диктатура пролетариата, смерть буржуйам? – задумчиво произнёс Орлов. – Забыл?

– Об этом будем думать позже. Боеспособную армию комиссары создали ж, и новое государство в России, надеюсь, построить смогут. Здравый смысл должен взять верх над утопической доктриной.

Комбриг вытащил из кобуры револьвер и демонстративно выложил его на стол.

– Но ведь же шлёпнут тебя товарищи. Как пить дать – шлёпнут! Попользуются, пока нужен, и в расход.

– Пусть! Зато, может, жениться, детей завести успею.

Пётр встал из-за стола, подтянул ремень и засунул револьвер обратно в кобуру.

– Что ж, перед будущими розовощёкими усовскими карапузами даже кроважный садист не устоит. Выпьем, что ли, на посошок, мой старый друг?

Капитан не поверил своим ушам.

– Только со мной уйдёт целый батальон, – честно предупредил он.

Подполковник налил себе полный стакан до краёв и выпил его в два глотка.

– Да катитесь вы все куда хотите. Я сегодня добрый, у меня день рождения.

– Пойдём лучше с нами, командир.

– Да пошёл бы ты, ТОВАРИЩ, знаешь куда? Для меня присяга – святое. И сын у меня уже есть. В Иркутске прошлым летом одну мешчанку обрюхатил. Недавно отцу в Томск внука привезла. Будешь в родных краях, передавай привет. А не случится, то я твоим родителям от тебя передам. Исход войны решается всё равно не здесь. Но чтобы к утру духу от вас, предателей, не было. Всех прикажу кончить. С похмелья голова болит страшно. И больше мне не попадайся. Живым не уйдёшь.

PS. * Подполковник Пётр Орлов погиб через неделю, отбивая наступление красных. Накануне нового, 1920-го года в Томске Богоявленский полк 30-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии, штабом которого руководил военспец Дмитрий Усов, усилился гренадерским батальоном, последним подразделением Сибирской штурмовой бригады, перешедшим на сторону РККА.

** Фамилии главных героев изменены.